

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕРАВЕНСТВА

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Органа Доржуевна Натсак
(nod695596@gmail.com)

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия

Цитирование: Натсак О.Д. (2025) Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(2): 33–68. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.2> EDN: DLMJTK

Аннотация. Проблема бедности населения сохраняет свою актуальность для Тувы. Несмотря на снижение ее уровня, республика остается одним из худших регионов России по данному показателю. Целью исследования является анализ социально-демографического профиля бедности и материальной самооценки населения республики. Статья основана на статистических данных и результатах социологического исследования социально-экономического положения жителей Республики Тыва, проведенного в 2023 г. Показано, что большая часть бедных в республике сосредоточена в сельской местности, в отличие от ряда российских регионов с преобладанием городского населения в административно-территориальной структуре бедного населения. Большая часть малоимущих домохозяйств является многосоставной, имеющей детей до 18 лет. Среди разных типов семей в наиболее сложном материальном положении находятся неполные семьи. Несмотря на снижение бедности и рост объемов фактического конечного потребления домохозяйств за последние годы в Туве, по уровню жилищной депривации и наличию предметов длительного использования между малоимущими домохозяйствами Тувы и такими же хозяйствами российских регионов наблюдается существенный разрыв — уровень лишений у этой категории населения в республике выше. Анализ социально-демографического портрета наименее обеспеченной части населения на основе материальной самооценки выявил, что к ним в большей степени относятся сельские жители, мужчины, лица старше трудоспособного возраста, незанятые, а по брачному статусу — находящиеся в разводе и не состоящие в браке. Результаты исследования могут быть полезны в разработке новых мер региональной программы по снижению бедности и формировании стратегии семейной политики.

Ключевые слова: Республика Тыва, профиль бедности, доходная стратификация, неравенство, материальная самооценка, особенности потребления, гендерные различия.

Постановка проблемы

Анализ социально-демографического профиля бедного населения, изменения в материальной самооценке населения является актуальной исследовательской темой применительно к Республике Тыва, которая в силу ряда демографических и экономических особенностей имеет худшие позиции в экономической стратификации российских регионов и рейтингах по качеству жизни, межрегиональной дифференциации в индексе человеческого развития, включающем индекс дохода населения.

Политика борьбы с бедностью должна учитывать разный социальный и демографический профиль бедности, внутреннюю неоднородность бедного населения, риски, влияющие на отрицательную подвижность и переход семей и индивидов, находившихся над границей бедности, в число тех, кто стоит ниже порога бедности. И, наоборот, включать в меры снижения бедности действия, побуждающие положительную мобильность населения, нацеленную на выход из состояния бедности. Исследование характеристик бедного населения Тувы, а также выявление трендов в изменении структуры бедного населения будет способствовать выработке более эффективных региональных мер по снижению бедности населения республики.

Цель статьи заключается в определении социально-демографического профиля бедности и анализе материальной самооценки населения Республики Тыва на основе данных официальной статистики и социологического исследования.

Автором использованы статистические методы анализа. Информационной основой исследования послужили основные статистические материалы, касающиеся уровня жизни, неравенства и бедности населения России.

В статье также представлены материалы из социологического исследования с использованием количественной методики, проведенного под руководством автора в 2023 г. в Республике Тыва Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ). Репрезентативная выборка по Республике Тыва была рассчитана исходя из данных органов статистики о количестве и структуре населения по состоянию на 1 января 2022 г. Объем выборки был рассчитан исходя из требуемой точности ($\pm 3\%$) данного исследования (в процентах с доверительным интервалом в 95 %, $p=0,5$). Генеральная совокупность составляет 332 609 ед., выборочная совокупность — 1064 ед., фактически было опрошено 1236 человек. В ходе опроса был применен формализованный опросник и метод лич-

ного интервью. Объектом исследования выступило население Республики Тыва, предметом — его социально-экономическое положение.

Методологической основой исследования стали работы отечественных ученых, посвященные стратификационным процессам в современном российском обществе (Тихонова 2018; Беляева 2018; Елихина 2019; Шушпанова 2023), социально-демографическим особенностям бедности в России (Лежнина 2014), региональным диспропорциям и дифференциации в социально-экономическом положении и развитии человеческого потенциала (Пастухова и др. 2023; Кольцова, Старобинская 2023; Калугина 2020).

Методы измерения современного феномена бедности остаются дискуссионной проблемой. К примеру, в качестве методологической уязвимости измерения относительной бедности (обычно те, кто имеет 50 или 60 % от медианного дохода и ниже, причисляются к бедным) отмечают малую информативность об изменении доходов, социально-демографических характеристиках бедного населения. Такой подход британский исследователь Д. Эдминстон называет упрощенным анализом, который подводит бедность к техническим пороговым значениям, при этом он признает, что единая теория бедности проблематична (Edminston 2021: 1).

Концептуализация бедности, причин и факторов, способствующих возникновению экономического неблагополучия и неравенства и в целом социального неравенства, в научной литературе осуществляется по различным методологическим направлениям. Автор, разделяя идею о многомерности бедности, придерживался разных подходов, учитывающих общий экономический и демографический контекст бедности населения региона, статистические показатели абсолютной и относительной бедности, ее глубины, особенности потребления и деприваций, кредитную нагрузку, а также субъективные оценки населением своего материального положения.

В России показатели абсолютной бедности с 2021 г. определяются с учетом границ бедности (ГБ), устанавливаемых на уровне величины прожиточного минимума (ПМ) на душу населения по основным социально-демографическим группам в целом по РФ и субъектам РФ. Доля бедного населения рассчитывается на основе статистического расчета населения, имеющего среднедушевые доходы ниже границы бедности, по социально-демографическим группам. Относительная бедность измеряется с опорой на медиану доходов — домохозяйства (семьи) с доходами ниже медианы причисляются к бедным. Субъективная бедность определяется на основе результатов опроса населения, в ходе которого опрошенные дают оценку своему материальному положению и причисляют

себя к той или иной группе материальной обеспеченности. Глубина бедности показывает уровень дефицита дохода, необходимого для достижения границ бедности, острота бедности — неравенство среди бедных. Индекс бедного населения означает долю бедных в структуре населения.

Обзор литературы

Проблема бедности населения Республики Тыва мало изучена, несмотря на ряд исследований, проведенных в последние пять лет. В научной литературе Республика Тыва рассматривается как часть сибирского макрорегиона, в котором представлены субъекты РФ, имеющие отклоняющиеся от среднероссийского значения показатели бедности. Е.Я. Пастухова и Т.А. Лопухов подчеркивают, что сибирские регионы — Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Хакасия, Алтайский край имеют более высокие масштабы бедности, чем в целом по России (Пастухова, Логунов 2024: 110). В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова на примере Республики Тыва и ЯНАО показывают региональное доходное неравенство и высокие разрывы в абсолютной монетарной бедности населения в России (в 6,2 раза между Республикой Тыва и ЯНАО), в покупательской способности региональных среднедушевых денежных доходов (в 3,3 раза) (Бобков, Одинцова 2020: 180).

Исследование проблем бедности населения Республики Тыва было предпринято социологами ФНИСЦ РАН в 2019, 2021 гг. По итогам исследования 2019 г. издана коллективная монография, в которой анализировались дифференциация населения по доходам, особенности финансового поведения населения республики (Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва 2020). На основе исследования ФНИСЦ РАН 2021 г. опубликована работа Т.Г. Анисимовой, З.Т. Голенковой и А.Л. Маршака, которые в качестве основной проблемы рассматривают слаборазвитость экономики региона, что, по их мнению, порождает пониженное количество рабочих мест и приводит к серьезному имущественному расслоению (Анисимова, Голенкова, Маршак 2022). В 2022 г. вышли работы О.Д. Натсак, посвященные демографическому аспекту бедности в регионе, субъективным оценкам бедности и финансово-экономическим стратегиям тувинских семей (Натсак 2022a; 2022b).

В 2020–2021 г. в Туве было проведено социологическое исследование башкирских ученых, результаты которого представлены в работе Г.Р. Баймузиной и Е.В. Кабашовой, которые акцентируют внимание на роли этнического фактора в социальном и экономическом пространстве региона (Баймурзина, Кабашова 2022).

Таким образом, в течение последних лет в республике было проведено четыре репрезентативных социологических исследования разных научных групп, включая исследование ТИГПИ 2023 г. Новизной представленной статьи является описание социально-демографического профиля бедного населения Республики Тыва в разрезе таких характеристик, как занятость, возраст, тип поселения, пол, а также разных структурных типов семей на основе комбинирования двух разных методов измерения: статистического и социологического.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что в Республике Тыва проблема бедности населения детерминирована рядом разнохарактерных факторов — слабой экономикой региона, особенностями демографического развития и качеством человеческого капитала, которые формируют особенности профиля малоимущего населения. Различия в соотношении социально-демографических групп в структуре бедных в целом в России и в Туве формируются под воздействием этих факторов — малая емкость регионального рынка труда определяет значимую долю незанятых в составе малоимущего населения, многодетность тувинских семей и более молодая возрастная структура населения определяют рост детской бедности, а также более высокий уровень глубины лишений малоимущего населения республики по сравнению с малоимущим населением в целом по России. Существенное снижение абсолютной бедности в республике в последние годы не влечет за собой аналогичного снижения депривационной бедности, которая формировалась продолжительное время в условиях хронической бедности и усугублялась под высокой кредитной нагрузкой населения. В составе бедных растут диспропорции по типу поселения, связанные с ростом в нем удельного веса сельских жителей.

Экономические показатели Республики Тыва

На бедности населения отражается специфика региональной экономики или пространственное неравенство, обусловленное расстоянием от центра, неравномерным размещением промышленных объектов, добычей природных ресурсов, доступностью транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры. Рассмотрим региональные особенности Республики Тыва.

По инвестициям в основной капитал на душу населения Республика Тыва, по данным 2022 г., занимала 84-е место в РФ, объем инвестиций (51 414 руб.) был более чем в три раза меньше, чем по РФ (189 929) и СибФО (169 031). В структуре инвестиций по формам собственности в Республике Тыва значительную долю занимают государственные инвестиции (64,3 %), что является самым высоким показателем среди субъек-

тов РФ (в РФ — 16,9 %), а доля частных инвестиций (22,1 %), наоборот, является самым низким в РФ (в РФ — 65,755) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023).

Валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения в Республике Тыва в 2021 г. составила 267 794,7 руб., что в два раза ниже, чем по СибФО, и в три раза ниже, чем в среднем по РФ. Более низкие показатели имеет ряд регионов Северо-Кавказского федерального округа — Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Чеченская Республика (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023).

По среднедушевым денежным доходам Республика Тыва в 2022 г. занимала 83-е место в РФ (23 049 руб.). Медианный среднедушевой доход населения в месяц составлял 18 691,1 руб., что в четыре раза ниже, чем в Чукотском АО, ЯНАО, и в три раза, чем в Москве. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата в Республике Тыва составляла 51 782 руб., в СибФО — 57 203 руб., в среднем по РФ — 65 338 руб. (Денежные доходы и расходы населения 2023).

В структуре денежных доходов населения Республики Тыва доля оплаты труда является наибольшей, а доходы от предпринимательской деятельности имеют тенденцию сокращения, при этом доля социальных выплат растет — с 21,2 % в 2005 г. она в 2022 г. выросла до 41,8% (по РФ — 20,2% в 2022 г.) (рис. 1). В Туве в среднем в месяц на домохозяйство в 2021 г. из этих источников приходилось 9813,4 руб. при российском показателе

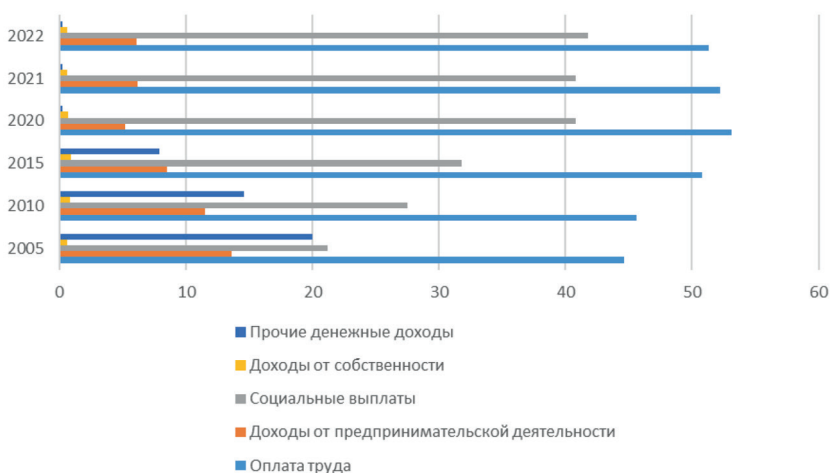

Рис. 1. Структура денежных доходов населения Республики Тыва в 2005–2022 гг. Источник: Росстат

4197,8 руб. В 2022 г. доля оплаты труда составляла 51,3%, доходов от предпринимательской деятельности — 6,1%, доходов от собственности — 0,6, прочих денежных доходов — 0,2 (Денежные доходы и расходы населения 2023).

В структуре социальных выплат также наблюдаются региональные особенности, связанные с возрастной структурой населения республики. Если по РФ в 2022 г. пенсии внутри социальных выплат занимали 67,1 %, а пособия и социальная помощь — 30,2 %, то в Республике Тыва пенсии составляли 47 %, пособия и социальная помощь — 51,1 %. Такое соотношение видов социальных выплат детерминировано высокой рождаемостью и смертностью, более низкими показателями продолжительности жизни.

Индекс численности бедного населения в Республике Тыва снизился с 72,7 в 1995 г. до 23,5 в 2023 г. Максимальный индекс бедного населения в Туве был зафиксирован в 2000 г. — 77,9 (рис. 2).

Значительно ниже границы бедности в Туве в 2023 г. находилось 4,5 % населения, в РФ — 1,1 %. Это население, которое по интервальным группам соотношения денежных доходов и границы бедности входят в первую группу с доходами до 0,5 ГБ и которое можно причислить к крайне бедным. Анализ в десятилетней ретроспективе (2013–2023 гг.) показывает, что доля крайне бедных в структуре всего населения Тувы сократилась более чем в 1,5 раза (рис. 3).

К бедным с доходами от 0,5 до 1 ГБ в Республике Тыва относилось 19 %, в РФ — 7,4 %. Кроме того, ближе к границе бедности находилось

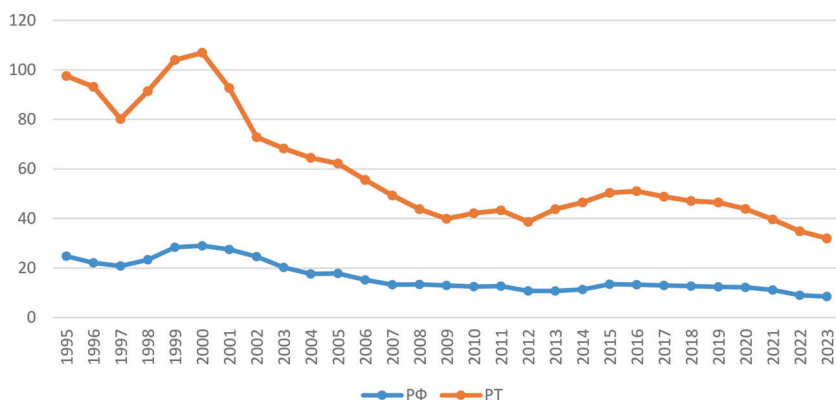

Рис. 2. Индекс численности бедного населения в Российской Федерации в целом и в Республике Тыва в 1995–2023 гг. Источник: Росстат

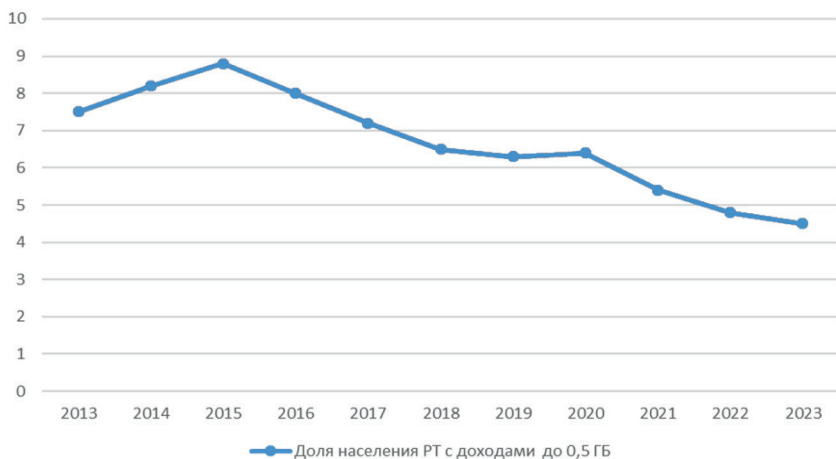

Рис. 3. Динамика изменения доли населения Республики Тыва с доходами до 0,5 ГБ за 2013–2023 гг., %. Источник: Росстат

20,4 % населения Тувы с доходами от 1 до 1,5 ГБ (табл. 1). Это группа, которая находится в зоне риска и под воздействием разных ситуативных факторов может перейти в число бедных. Доля данной категории в 2013–2023 гг. не опускалась ниже 20 %.

Таблица 1

Распределение населения Российской Федерации и Республики Тыва по интервальным группам соотношения денежных доходов и границы бедности в 2023 г.

Интервальные группы	до 0,5	от 0,5 до 1,0	от 1,0 до 1,5	от 1,5 до 2,0	от 2,0 до 3,0	от 3,0 до 6,0	свыше 6,0
Российская Федерация	1,1	7,4	11,8	12,4	21	30,9	15,4
Республика Тыва	4,5	19	20,4	16	19,5	17	3,7

Источник: Росстат.

Как показано в таблице 1, доля населения Тувы в интервальной группе с доходами свыше 6 ГБ в 4 раза меньше доли населения в целом по РФ, в группе от 3 до 6 ГБ — в 1,8 раза, что свидетельствует о том, что доля лиц с высокими доходами в структуре населения Тувы значительно меньше, чем в целом по России (Неравенство и бедность 2024). Если разница зарплат 10 % работников с наименьшим и 10 % с наибольшим уровнями оплаты труда в России составляет 13 раз, то в Тыве в два раза ниже — 6 раз

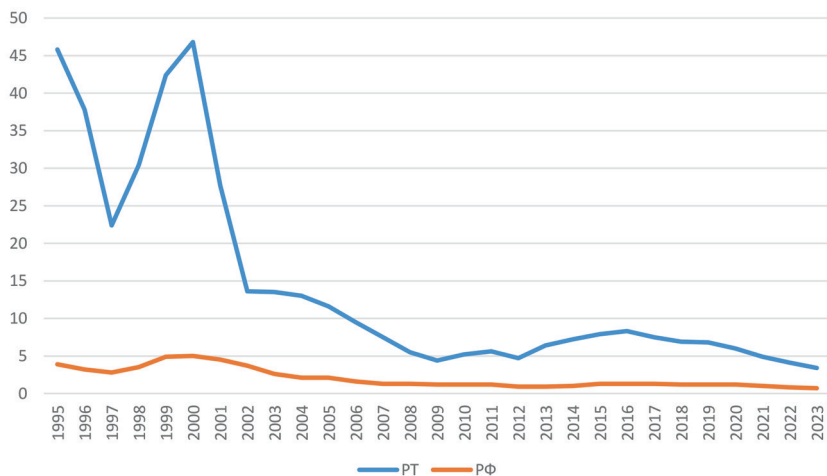

Рис. 4. Динамика дефицита денежного дохода в целом по Российской Федерации и Республике Тыва в 1995–2023 гг. Источник: Росстат

(Труд и занятость 2023). Данный факт еще раз показывает меньшую степень доходной дифференциации населения республики, чем по России. На более низкий уровень поляризации населения Тувы по доходам указывают значения коэффициента фондов (11,9 раз в 2022 г., в РФ — 13,8 раз) и коэффициента Джини по Туве (0,375 — в 2022 г., в РФ — 0,395), что в целом связано со слабым уровнем развития экономики региона. Но большая часть доходов — 43,1 %, как и во всей России, принадлежит V высокодоходной группе (Неравенство и бедность 2024).

Глубина бедности в республике в 2023 г. по сравнению с 1995 г. значительно сократилась. Дефицит денежных доходов в 1995 г. составлял 45,8 %, в 2023 г. — 3,4 % от общего объема денежных доходов населения (рис. 4) (Неравенство и бедность 2024). Таким образом, в 2023 г. наблюдается рекордно низкий уровень глубины бедности в Туве за постсоветский период, на который мог повлиять рост зарплат и социальных выплат.

Максимальные разрывы в уровне дефицита денежного дохода в целом по РФ и по Туве наблюдались в 1995, 2000 гг., с 2019 г. происходит постепенное сближение за счет сокращения дефицита у населения Тувы.

По потребительским расходам в среднем на душу населения в месяц Тува в 2022 г. занимала 84-е место в РФ (14 320 руб.) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). Данный факт свидетельствует о серьезном уровне недопотребления домашних хозяйств Тувы. Разрыв

с значением среднедушевых потребительских расходов по России составлял по 2022 г. 21 016 руб. (РФ — 35 336 руб.), по СибФО — 13 506 руб. (СибФО — 27 826 руб.) (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). По доле покупки товаров и услуг в структуре расходов (62,1 %) республика имела самый низкий показатель среди российских регионов в 2022 г. Доля обязательных платежей и различных взносов существенно выросла с 8,8 % в 2005 г. до 16,6 % в 2022 г. (Регионы России. Социально-экономические показатели 2023). Данный факт мы связываем в том числе с ростом кредитных обязательств населения.

Положение малоимущего населения Тувы при сравнении с положением малоимущего населения других субъектов РФ остается сложным. Например, при сравнении уровня жилищной депривации, а также наличия предметов длительного пользования в домохозяйствах республики с аналогичными показателями российских субъектов выявляется, что уровень лишений в малоимущих домохозяйствах Тувы заметно выше. В Туве на одного проживающего в малоимущем домохозяйстве приходились минимальные 11 кв. м (в Республике Алтай — также 11,6, в Курганской области — 11,5, в среднем по РФ — 15,7 кв.) (Социально-экономические индикаторы бедности 2023). В России в 2022 г. 3,4 % российских домохозяйств испытывали большую стесненность в жилищных условиях, в Туве — 13,7 % (Комплексное обследование условий жизни 2022).

Что касается предметов длительного использования, из рассматриваемых Росстатом перечня предметов (автомобилей, персональных и портативных компьютеров, посудомоечных машин и др.) количество предметов на 100 домохозяйств в Туве и в целом по России имеет существенный разрыв (Национальные счета России в 2015–2022 гг.).

Социально-экономические и демографические характеристики бедного населения в Республике Тыва

К основным детерминантам бедности на индивидуальном уровне можно отнести факторы, связанные с качеством человеческого капитала: низкий уровень образования, незанятость, неформальную занятость, высокую кредитную нагрузку, плохое состояние здоровья, наличие вредных привычек. Социально-демографические факторы: пол, возраст, место проживания (тип поселения), брачный статус, наличие детей, — играют значимую роль в материальном статусе индивидов. На макроуровне важными факторами является экономическое развитие региона, состояние региональных и локальных рынков труда, инвестиции, институциональный доступ граждан к финансовым инструментам и рынкам.

Занятость

Бедность является следствием незанятости трудоспособного населения. С.В. Мареева и Е.Д. Слободенюк, анализируя доходную мобильность россиян, отмечают, что значительную часть группы населения с наименьшими доходами составляют неработающие россияне (Мареева, Слободенюк 2020: 106). О.В. Селиванова в структуре бедного населения выделяла семьи с безработными взрослыми (Селиванова 2020: 53). А.И. Пишняк, Н.В. Халина, Е.А. Назарбаева, А.Р. Горайнова называют увеличение числа незанятых в домохозяйстве одной из причин попадания его в число бедных (Пишняк и др. 2021: 58).

Наряду с неработающим населением с высокими рисками бедности сталкиваются лица с неформальной занятостью. А.Г. Керимов, Г.Р. Фаткулина полагают, что низкая заработная плата, дешевый труд, утрата работниками социальных прав на защищенную занятость, характерные для неформальной занятости, обуславливают риски бедности работающего населения (Каримов, Фаткулина 2021: 61).

Низкий уровень заработной платы при формальной занятости также важный фактор риска бедности. Как сообщает О.В. Селиванова, около трети бедных российских семей составляют семьи, в которых взрослые имеют регулярную оплачиваемую работу и трудятся в бюджетных организациях на низких должностях (Селиванова 2020: 50).

В.А. Аникин и Е.Д. Слободенюк на основе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 1998–2018 гг. отмечают повышение роли характеристик рабочих мест и поселенческого неравенства в детерминантах бедности работающих (Аникин, Слободенюк 2021: 23).

В Туве уровень занятости в 2023 г. равнялся 50,4 %, что на 10,4 процентных пункта ниже, чем в среднем по России (60,8 %) (Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024). Уровень безработицы в Туве в 2023 г. составлял 6,6 % (в 2020 г. — 18 %, 2021 — 15 %, 2022 — 9,5 %). Это самое низкое значение уровня безработицы за весь постсоветский период. Но, несмотря на серьезное снижение, доступные рабочие места концентрируются преимущественно в городе.

Структура безработных по возрастным группам показывает, что наибольшая доля приходится на молодых людей 20–29 лет — 39 %.

В Республике Тыва высока доля населения, занятого в неформальном секторе, в 2023 г. она составляла 32,2 % от общей численности занятого населения, из 37,1 тыс. человек 34 тыс. имеют только неформальную занятость, а 3,1 тыс. — дополнительную занятость в неформальном секторе. Только субъекты Северо-Кавказского федерального округа показывают

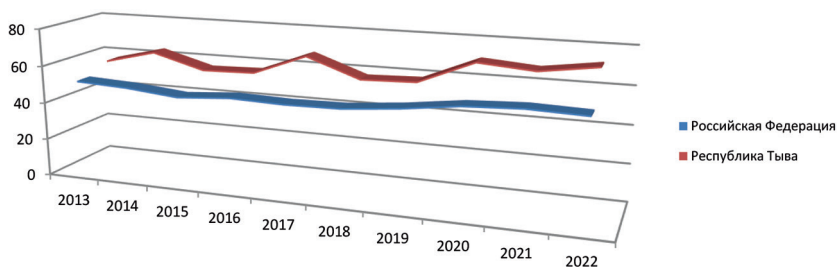

Рис. 5. Незанятые в структуре неимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг. Источник: Росстат

более высокие, чем в Тыве, значения данного показателя (Республика Ингушетия — 54,4%, Республика Кабардино-Балкария — 44,5 %, Республика Дагестан — 44,1 %: Рабочая сила, занятость и безработица в России 2024). Следует заметить, что Республику Тыва и северокавказские регионы объединяет более высокий уровень бедности, безработицы на общероссийском фоне. Полагаем, что при учете доходов и занятости населения, работающего в неформальном секторе, показатели бедности и безработицы в этих субъектах РФ могут быть гораздо ниже, чем официально фиксируемый уровень.

Среди неимущего населения Республики Тыва по признаку занятости превалирует неработающие лица. При сравнении данной категории среди бедных по РФ и РТ обнаруживается, что в Тыве удельный вес незанятых в соответствующей структуре населения заметно выше (рис. 5).

Такие различия объясняются общим уровнем безработицы в Тыве, который выше среднего показателя по России. Значимость занятости и оплаты труда в материальном положении населения повышается в условиях, когда в структуре основных доходов такие источники, как доход от собственности или предпринимательской и иной производственной деятельности, являются несущественными в силу минимальных или низких значений, как в Тыве. Тенденции также различаются: в последние годы доля незанятых в структуре неимущего населения в России демонстрирует снижение, в Тыве — рост.

Такую же асимметрию мы наблюдаем между российским и тувинским показателями доли работающих в структуре бедного населения: в Тыве работающих бедных меньше, чем по России (рис. 6).

В России с 2015 г. началось снижение удельного веса работающих в структуре бедных, в Тыве тенденция уменьшения доли занятых в составе бедных проявилась в 2020 г. В 2020 г. российские семьи с детьми и другие категории начали получать разные виды государственной

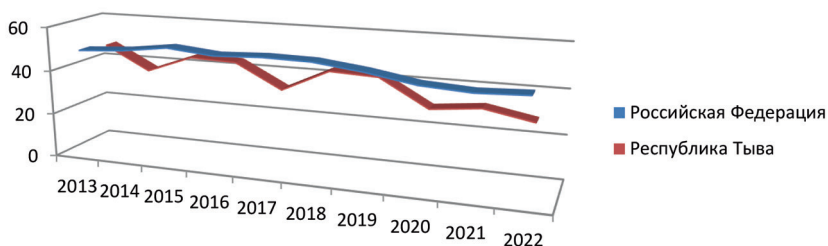

Рис. 6. Занятые в структуре неимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг. Источник: Росстат

поддержки, в том числе в Туве. В этой связи в России в целом и в Туве выросли доходы семей, в структуре доходов которых помимо мер государственной поддержки есть другие источники, в первую очередь заработная плата.

Большая часть работников в республике трудится в организациях государственной и муниципальной собственности, в совокупности они составляют 82,5 % среднесписочной численности работников организаций, в то время как в организациях частной собственности — лишь 14,9 % (Труд и занятость 2023). Данный перекося является показателем недостаточного развития частного сектора, а также в определенной степени следствием практик неформальной занятости в частных организациях. Такое соотношение доли работников организаций разных форм собственности в значимой степени отличается от среднероссийских показателей, когда 38,4 % среднесписочного состава являются работниками государственных и муниципальных организаций, а 49,4 % — частных.

Распределение фонда начисленной заработной платы по 20 процентным группам работников организаций показывает, что 10,6 % фонда получает первая группа (в РФ 6,2 %) (Неравенство и бедность 2023). Показатель первой группы по Туве является самым высоким среди российских регионов, что подтверждает более высокую долю низкооплачиваемых рабочих мест на рынке труда Тувы. Данный факт непосредственно связан с особенностями характеристик рабочих мест, преимущественной концентрации работающего населения в бюджетной сфере, а также неравенством уровня зарплат по видам экономической деятельности. 24,8 % работников в Туве занято в образовании, 12,8 % — в здравоохранении и социальных услугах, 16,9 % — в оптовой и розничной торговле и ремонте автотранспортных средств и 8,1 % — в сельском, лесном хозяйстве, рыбоводстве (Труд и занятость 2023).

Возраст

Если рассматривать возрастную структуру малоимущего населения, то по данным 2022 г. в Республике Тыва на первом месте находилось трудоспособное население (49,3 %), на втором — дети до 16 лет (48,1 %), на последнем — лица старше трудоспособного возраста (2,6 %) (Неравенство и бедность 2024).

Доля малоимущего трудоспособного населения в Туве ниже, чем по России (рис. 7), что обусловлено спецификой возрастной структуры населения в целом, но тенденции одинаковы: снижение доли трудоспособного населения и рост доли детей до 16 лет среди бедных.

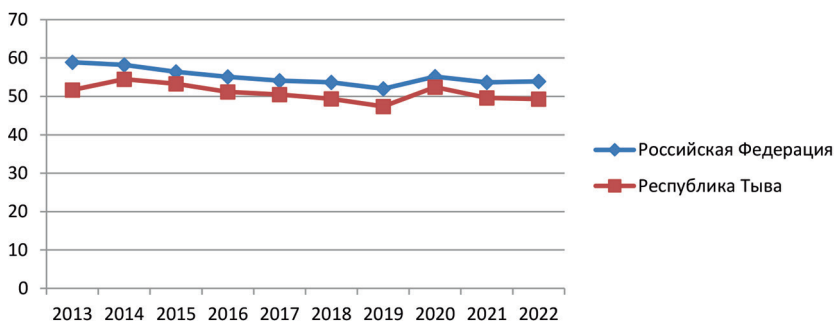

Рис. 7. Трудоспособное население в структуре малоимущего населения в Российской Федерации и Республике Тыва в 2013–2021 гг.

Источник: Росстат

Дети до 16 лет составляют 48,1 % малоимущего населения в Республике Тыва. В России среднее значение этого показателя равняется 39,5 %. По доле детского населения в структуре бедного населения Республика Тыва входит в пятерку регионов с наиболее высокими показателями. Рассмотрим динамику такого важного показателя, как детская бедность (рис. 8).

Детская бедность в Российской Федерации с 2013 по 2019 г. неуклонно росла, небольшое снижение произошло в 2020 г., однако в 2021 г. вновь проявился рост. В 2022 г. значение показателя по России равнялось 39,5 %. В Республике Тыва уровень детской бедности выше. Снижение этого показателя сменялось ростом в разные годы на протяжении рассматриваемого периода, этот показатель вырос с 43,7 % в 2013 г. до 48,1 % в 2022 г. Необходимо отметить, что по данным 2022 г. уровень детской бедности в Туве один из высоких по России, но более высокие, чем в Туве, значения показателя демонстрируют Республика Крым (50,2 %), Свердловская область (48,7 %) (Неравенство и бедность 2024).

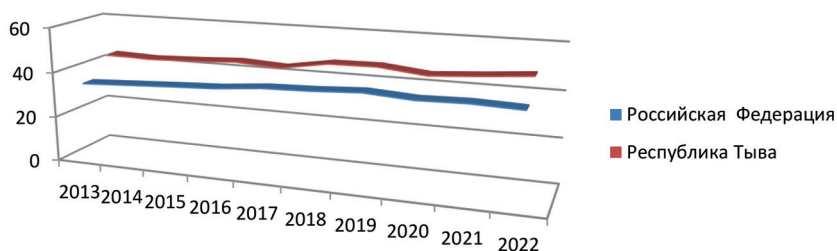

Рис. 8. Дети в структуре малоимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2021 гг.¹ Источник: Росстат

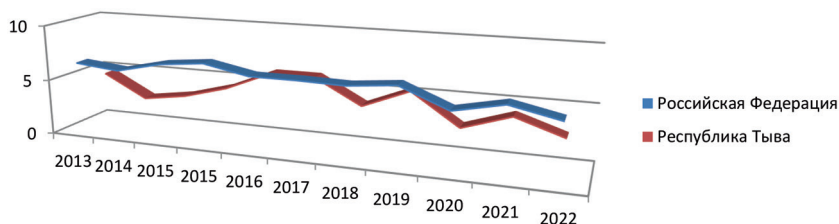

Рис. 9. Доля населения старше трудоспособного возраста в структуре малоимущего населения Российской Федерации и Республики Тыва в 2013–2022 гг. Источник: Росстат

Несмотря на высокую вероятность попадания в число бедных, лица, завершившие активную фазу экономического жизненного цикла и находящиеся в возрасте старше трудоспособного возраста, составляли 2,6 % в 2022 г. в структуре малоимущего населения Тувы (рис. 9). Среднероссийское значение данного показателя равняется 6,6 %, при этом есть регионы, которые имеют значительные отклонения от него, например Воронежская область (13,3 %), Москва (13,8 %), Республика Марий Эл (20,6 %). При этом уровень доходов пенсионеров в Туве невысокий — по среднему размеру начисленных пенсий, по данным 2022 г., среди российских регионов Тува занимает 63-е место. Так, в 2022 г. он был ниже, чем в среднем по России (Республика Тыва — 15 687 руб., РФ — 16 884 руб.) (Регионы России 2023). При этом средний размер начисленных пенсий женщин (16 298,1 руб.) в республике превышает средний размер пенсий мужчин (14 675,2 руб.), их соотношение составляет 111,1 % (Женщины и мужчины 2022).

¹ Дети до 16 лет.

В Туве низкая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), высокая рождаемость, и соответственно возрастная структура населения более молодая, по этой причине в общей демографической структуре населения доля пожилых незначительна, что обуславливает низкую долю этой категории и в общем числе бедного населения. При сравнении доли возрастной группы мужчин 61 и более лет, женщин 56 и более лет в общей численности населения Тувы и вышеуказанных регионов обнаруживается, что действительно в Туве она ниже, чем в обозначенных регионах, — 11,2 %, в то время как в РФ в целом — 25,3 %, Москве — 27,4 %, Белгородской области — 25,7 %, Калининградской области — 25,1 % (Демографический ежегодник 2021). И по ОПЖ мы видим аналогичную ситуацию: в РФ — 71,54 года, Республике Тыва — 66,25 лет, Москве — 74,21 года, Белгородской области — 74,21 года, Калининградской области — 72,93 лет (Демографический ежегодник 2021). Демографический фактор, таким образом, выступает значимым предиктором возрастной структуры бедного населения.

Тип поселения

Проживание в сельской местности выделяется в качестве главной неэкономической структурной причины бедности работающего населения (Демографический ежегодник 2021: 29). В.С. Жаромский считает, что риск латентной бедности у жителей крупных городов почти в два раза ниже, чем у сельского населения (Жаромский 2019: 102). В.Л. Шабанов указывает на тот факт, что любая методика оценки бедности показывает повышенную уязвимость перед бедностью сельского населения (Шабанов 2019: 5).

Заслуживает внимания исследование З.Ф. Ибрагимовой и М.В. Франц, в котором рассматривается применение теории равных возможностей к проблеме бедности. Неравенство возможностей, обусловленное неподконтрольными индивиду факторами (уровень образования родителей, социальные, экономические, культурные и другие характеристики локального пространства, где проходит детство и юность индивида), исследуется как детерминанта разного уровня благополучия людей во взрослой жизни (Ибрагимова, Франц 2023: 49–50). В качестве наиболее уязвимого социального типа исследователи выделяют сочетание таких обстоятельств, как низкий уровень образования родителей (основное общее и ниже), рождение в сельской местности, женский пол (Ибрагимова, Франц 2023: 65).

Исходя из характеристик малоимущего населения по месту проживания, отметим, что в Республике Тыва большая часть населения, относящаяся к данной группе, проживает в сельских поселениях — 70,2 %,

и лишь 29,8 % — в городских населенных пунктах. В целом по России большая часть малоимущего населения сосредоточена в селе — 54,6 %, в городах — 45,4 %. Однако субъекты РФ в зависимости от специфики региональных экономик имеют разные соотношения долей городских и сельских бедных. К примеру, в 35 регионах бедное население сконцентрировано преимущественно в городах: Мурманская, Брянская, Тульская области, Республика Ингушетия и др. (Социально-экономические индикаторы бедности 2024).

Применительно к Туве следует отметить тенденцию изменения соотношения городского и сельского населения в структуре малоимущих за счет роста сельских и уменьшения городских жителей. В 2005 г. доля сельского населения составляла 59,4 %, в 2022 г. — 70,2 %, городского — 40,6 и 29,8 % соответственно (Социально-экономические индикаторы бедности 2024). Рост составил 10,8 процентных пункта. Специфика распределения малоимущего населения по административно-территориальному признаку в республике детерминируется разным уровнем занятости в сельских и городских территориях, низким уровнем доходов в сельской местности и сосредоточением там многодетных семей с большой демографической нагрузкой. Так, по данным 2020 г. занятость в селе составляла 40,6 %, в городской местности — 55,4 % (Труд и занятость в России 2021). По данным 2021 г., в структуре неимущего населения Тувы 7,8 % составляет население, не занятое в экономике (Социально-экономические индикаторы бедности 2023).

Наличие детей и структура семьи

С.В. Мареева и Е.Д. Слободенюк при анализе устойчивости принадлежности к первому и пятому квинтилям по доходам в 2014–2017 гг. обратили внимание на то, что более двух третей россиян, устойчиво остающихся в нижнем квинтиле за рассматриваемый период, составляли лица, проживающие в семьях с детьми, значительная часть из них — в многодетных семьях. Они отметили, что риски «залипания» в группе с низкими доходами с ростом числа детей прирастают многократно, а в наиболее неблагоприятном положении с точки зрения доходной иммобильности находятся многодетные семьи (Мареева, Слободенюк 2020: 106–107). Вероятность латентной бедности возрастает пропорционально количеству детей относительно аналогичной вероятности для домохозяйств без детей (Жаромский 2019: 102). На значимость фактора высокой иждивенческой нагрузки в бедности россиян, а также особо сложное положение многодетных семей указывают В.А. Аникин и Е.Д. Слободенюк (Аникин, Слободенюк 2021: 27, 29).

Согласно оценкам Е.А. Капогузова, Р.И. Чупина, М.С. Харламовой, риск депривационной бедности у многодетных семей выше в 1,7 раза, чем у бездетных семей или семей с одним ребёнком (Капогузов, Чупин, Харламова 2021: 110).

Одинокое родительство, неполный состав семьи, распад брака выступают структурными характеристиками семьи, ассоциированными с рисками бедности, и широко описаны в работах российских и зарубежных исследователей (Лежнина 2014; Чурилова 2015; Селиванова, Коробкова 2024; Maldonado, Nieuwenhuis 2015; Duyulmus, Berg 2015; Cancian, Meyer 2018; Maleeva, Joxhe, Zanaĵ 2020).

В Туве 90,8 % малоимущих домохозяйств состоят из трех и более членов, в 88,5 % из них воспитываются дети до 18 лет (Социально-экономические индикаторы бедности 2024).

Рассмотрим уровень доходов российских семей разных структурных типов (табл. 2).

Таблица 2

**Уровень денежных доходов семей с детьми в России
(в среднем на домохозяйство, в месяц, руб.)**

Все домохозяйства	из них домохозяйства (проживающие в домохозяйствах)			
	имеющие детей до 18 лет	имеющие в своем составе многодетные семьи	имеющие в своем составе неполные семьи	из них с детьми-инвалидами до 18 лет
Все	84 129,7	89987,9	56 810,8	88 059,7
Городские домохозяйства, денежный доход — всего	106 172,1	101 629,3	84 861,7	101 546,2
Сельские домохозяйства, денежный доход — всего	72 138,7	68 892,6	58 184,3	77 597,1

Источник: Росстат.

Неполные семьи имеют самый низкий уровень доходов среди представленных типов, причем в сельской местности он значительно ниже, чем в городах.

По данным ВНД-2022, в структуре доходов неполных семей в 2021 г. на первом месте были доходы от трудовой деятельности, как и в многодетных семьях. По уровню полученных трансфертов, включая социальные выплаты, многодетные полные семьи опережают неполные семьи, однако

по доходам на одного члена семьи неполные семьи находятся в более благополучном положении, чем многодетные семьи (Выборочное наблюдение доходов населения... 2022). И в данном случае определяющим является количество детей, находящихся на иждивении. В этой связи неслучайно, что в России к первой децильной группе относятся 17,2 % всех домохозяйств, имеющих несовершеннолетних детей, 40,1 % многодетных и 21,1 % неполных (Выборочное наблюдение доходов населения... 2022). Полагаем, что такое положение свойственно и для Тувы, и, возможно, глубина бедности в многодетных и неполных семьях может быть больше по причине высокого коэффициента детности в тувинских семьях.

Кредитная нагрузка

Высокую кредитную нагрузку Л.И. Ниворожкина, Г.В. Павленко связывают с рисками роста бедности, сокращения расходов на жизненно важные потребности, такие как питание (Ниворожкина, Павленко 2022: 59). Вместе с тем Е.Н. Исупова, С.Ю. Варт, С.В. Бекарева выявили не прямое влияние фактора доступности финансовых услуг на общий уровень бедности населения на микроуровне. Они приходят к выводу о том, что в случае наличия у членов домашнего хозяйства банковских карт, депозита или кредита вероятность того, что домашнее хозяйство попадет в число малоимущих, снижается в среднем на 3–5 % (Исупова, Варт, Бекарева, 2024: 102). Однако важна финансовая грамотность.

На основе данных 113 стран мира международная группа исследователей доказывает, что финансовая грамотность оказывает негативное влияние на бедность и нерациональное экономическое поведение населения, положительно влияет на внедрение механизмов эффективного управления долгом, диверсификацию активов и средств к существованию, формированию сбережений, сокращению потребления (Lang et al. 2024: 682). Финансовую грамотность и рациональное финансово-экономическое поведение также связывают с самоэффективностью — скрытой формой человеческого капитала (Lang et al. 2024: 682). Исследователи из США Дж.Р. Берман, К.К. Су, О.С. Митчелл, Д. Браво показывают причинно-следственные связи между финансовой грамотностью и накоплением богатства домохозяйствами и подчеркивают, что влияние школьного образования на материальное положение становится положительным при наличии финансовой грамотности, а инвестиции в ее повышение могли бы принести значимые материальные выгоды (Behrman et al. 2012: 1).

Объем задолженности населения Республики Тыва по кредитам и соответственно кредитная нагрузка, значительно вырос за последние три года (рис. 10).

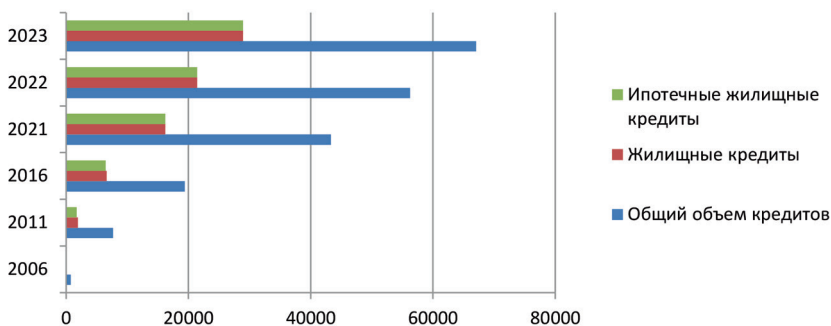

Рис. 10. Динамика объема задолженности по кредитам, выданным физическим лицам банками, по Республике Тыва 2006–2023 гг. (на начало года, млн руб.). Источник: Росстат

В рейтинге российских регионов по уровню закредитованности населения¹ Тува занимает 85-е место, а соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты в начале 2024 г. достигло 149,4 %, объем задолженности в среднем на одного человека равняется 892,6 тыс. руб., изменение уровня задолженности за год составило 340,2 тыс. руб. (Рейтинг российских регионов по уровню закредитованности населения 2024).

Значительный рост числа заемщиков и ипотечного портфеля в Туве произошел после введения льготного ипотечного кредитования в 2023 г. В 2023 г. было выдано 1010 кредитов, и в июне 2024 г. банками одобрено еще 7393 заявки (Тува перевыполнила установленный план 2024).

Мы наблюдаем несовместимые противоречия между необходимостью рационального финансового поведения для снижения уровня бедности, с одной стороны, и демографическим развитием в части высокой рождаемости и существующей жилищной депривацией семей, с другой стороны. Реализация в республике специальной ипотечной программы с государственной поддержкой (под 2 % годовых) с сентября 2023 г. по 30 июня 2024 г. стимулировало рынок строительства первичного жилья в регионе и позволила многим семьям улучшить жилищные условия, вместе с тем с учетом уровня среднедушевых доходов населения, демографической и кредитной нагрузки и длительных сроков, на которые предоставляются ипотечные займы, можно предположить, что выросли риски попадания семей заемщиков в число хронических бедных, испытывающих серьезный дефицит средств для обеспечения самым необходимым. По данным Центробанка, в целом по России каждый второй ипотечный кредит

¹ Рейтинг «РИА Новости».

в первом полугодии 2023 г. был выдан на срок более 25 лет, 46 % ипотечных заемщиков имеют хотя бы один необеспеченный потребительский кредит, за счет которого в том числе могли быть обеспечены первоначальные взносы для получения ипотечных кредитов (Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования 2023). При росте относительной бедности семей из-за кредитной нагрузки статистические показатели абсолютной бедности могут снижаться за счет индексации зарплат, социальных трансфертов.

Субъективные оценки бедности

Одним из важнейших индикаторов социально-экономического благополучия населения является субъективная самооценка своего материального положения, которая показывает не только уровень доходного неравенства, но и доминирующие социальные настроения в обществе.

Нижняя страта в лице наиболее нуждающихся, которым не хватало средств на продукты питания, в 2023 г. составила 9,4 %, тех, кому средств хватало только на питание — 22,7%. Суммарная доля этих двух групп равняется 32,1 %. Наибольшую группу представляют те, кто располагает средствами для приобретения продуктов, одежды, но на бытовую технику и другие покупки не хватает средств — 44,5 %. Доля наиболее обеспеченной части населения составила 2,7 %. Респондентов, для которых недоступно приобретение крупной бытовой техники — 15,7 %.

Женщины выразили более позитивные оценки — к наименее обеспеченным себя отнесли 8,10 % опрошенных женщин, в то время как мужчине с аналогичной оценкой было 11,10 % (табл. 3).

К тем, кому денег хватает на продукты и на одежду, отнесли себя 46,50 % женщин и 41,80 % мужчин.

Частота выбранных респондентами ответов о том, что они испытывают дефицит средств на питание, выше среди сельского населения Тувы по сравнению с городским.

В отличие от приведенных выше статистических данных о возрастном составе бедного населения в Республике Тыва, наш опрос показал, что в возрастном измерении хуже всех оценивают свой материальный статус пожилые респонденты (старше 65 лет), соответственно их меньше всего в группе, не испытывающей материальных трудностей (табл. 4). Материальное положение пожилых людей, несмотря на стабильность пенсионного обеспечения и его индексацию, может осложняться в условиях наличия иждивенцев в составе как расширенных, так и нуклеарных семей младшего поколения, проблем со здоровьем. Е.Д. Слободенюк, к примеру, считает, что глубокая субъективная бедность в российских семьях связана

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какое из высказываний наиболее близко описывает ваше материальное положение?» по полу и месту жительства (в %)

Варианты ответов	Все	Мужчины	Женщины	Город	Село
Денег не хватает даже на продукты	9,4	11,10	8,10	7,50	11,10
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	22,7	23,20	22,40	23,70	19,40
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой те	44,5	41,80	46,50	45,00	47,10
Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	15,7	16,50	15,10	16,40	14,50
Хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры, дома затруднительна	3,8	3,60	3,90	3,50	4,30
Материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем купить машину, дачу	2,7	2,70	2,70	2,90	2,50

Источник: исследование ТИГПИ при Правительстве РТ 2023 г.

с недоступностью необходимого медицинского сопровождения пенсионеров с тяжелыми проблемами со здоровьем, наличием в домохозяйстве родственников с вредными привычками (Слободенюк 2019: 26).

Наиболее благополучными по результатам опроса являются представители возрастной группы 25–35 лет: их доля среди лиц, не испытывающих материальные затруднения, самая высокая, а также их меньше всех в группе самых нуждающихся. Считаем, что в этом возрастном диапазоне молодые люди уже имеют профессиональное образование, работу, а суммарное число их детей не достигает еще своего максимума. Кроме того, молодые люди более оптимистично оценивают свой текущий материальный статус и будущие перспективы.

По признаку занятости отметим, что среди наименее обеспеченных больше всего нигде не работающих, кто не имеет постоянных источников доходов (17,8 %), а также работающих (12,30 %) и неработающих пенсионеров (11 %). Кризисными и имеющими высокую степень финансовой и социальной неустойчивости можно считать полные семьи, в которых оба взрослых являются неработающими, и неполные семьи, в которых единственный родитель не имеет работы и постоянного источника доходов.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какое из высказываний наиболее близко описывает ваше материальное положение?» по возрасту (в %)

Варианты ответов	Возраст					
	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	Старше 65
Денег не хватает даже на продукты, «едва сводим концы с концами»	9,30	6,30	11,70	9,00	8,10	13,80
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	21,00	18,90	19,80	20,50	27,60	32,90
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка крупной бытовой техники затруднительна	46,00	46,10	45,70	46,00	37,80	44,10
Можем без труда приобретать крупную бытовую технику, но мы не можем купить автомашину	17,70	19,70	16,80	16,00	14,10	5,90
Хватает доходов на новый легковой автомобиль, однако покупка квартиры, дома затруднительна	3,20	3,10	2,50	5,00	7,00	2,00
Материальных затруднений не испытываем; при необходимости можем	2,40	5,10	2,00	2,00	2,70	0,70

Источник: исследование ТИГПИ при Правительстве РТ 2023 г.

Наблюдается определенная дифференциация в материальной самооценке респондентов по брачному статусу. Среди наиболее нуждающихся лидируют лица, находящиеся в разводе и не состоящие в браке, а среди наиболее обеспеченных — состоящих в зарегистрированном браке.

Наше исследование показало, что среди тех, кто причислил себя к группе, испытывающий наибольший дефицит средств, лидируют лица, имеющие общее образование (9 классов) — 29,40 %, студенты организаций среднего профессионального образования — 23,10 %. В эту группу в меньшей степени входят лица с высшим профессиональным образованием — 6,6 %. Неравенство в образовании создает неравенство экономических возможностей и формирует контуры социальной стратификации общества.

Обсуждение результатов исследования

Уровень бедности в Республике Тыва снижается, что подтверждается ростом совокупных доходов, располагаемых денежных доходов домо-

хозяйств, повышающейся ролью пособий, компенсаций и иных выплат в их структуре, снижением дефицита бюджетов домохозяйств и ростом объемов фактического конечного потребления. Экономическими факторами снижения бедности, в том числе детской, являются снижение уровня безработицы, рост зарплат, но главный фактор — введение новых мер государственной поддержки семей с детьми, которые в силу многодетности семей в республике имеют более широкий охват семей, чем во многих других российских регионах.

Уровень доходного неравенства в Туве остается высоким, но имеет тенденцию к снижению, он ниже по сравнению с показателями доходной стратификации по России. Тем не менее в 2022 г. 43,1 % общего объема денежных доходов принадлежало малочисленной группе наиболее обеспеченного населения.

Социально-демографический профиль бедного населения в Туве отличается от аналогичного профиля бедных в России. Прежде всего эти различия связаны с демографическими особенностями республики и структурными характеристиками регионального рынка труда. Демографически обусловленными мы считаем то, что доля детей в структуре бедного населения Тувы выше, чем по России. Тот факт, что незанятые в экономике составляют значительную часть (67,8 %) бедного населения, связан как с демографическими, так и экономическими причинами.

Женщины выражают более позитивные оценки, чем мужчины. По данным Т.Н. Юдиной и Т.М. Бормотовой, опрос 1000 женщин из 85 регионов России, проведенный ими в 2022 г., показал, что большинство женщин (70 %) при материальной самооценке идентифицировали себя с наименее обеспеченными группами населения (Юдина, Бормотова 2023: 268). Феминизация бедности в России обусловлена не только гендерным разрывом в заработной плате наемных работников, обеднением моно-материнских семей, повышенным риском бедности для одиноко проживающих женщин пожилого возраста. Первая причина, связанная с разрывом между уровнями заработных плат мужчин и женщин, не так актуальна для Тувы в связи с незначительной долей бизнеса в структуре регионального рынка труда. В 2021 г. заработная плата женщин по отношению к таковой мужчин в России составляла 72,5 %, в Республике Тыва — 93,9 % (Женщины и мужчины 2022). Для Тувы особо важна вторая причина — под риском бедности находятся женщины, одиноко воспитывающие детей и возглавляющие неполные семьи, число которых, по данным переписей 2010, 2020 гг., имеет тенденцию к росту (Всероссийская перепись населения 2020). В Туве женщин, относящих себя к указанным двум категориям, по итогам нашего исследования получи-

лось меньше, чем по итогам общероссийского исследования Т.Н. Юдиной и Т.М. Бормотовой.

Сельское население Тувы беднее сельского населения России в целом. Именно это обстоятельство стало причиной роста внутрирегиональной и межрегиональной миграционной активности сельского населения Тувы. Сельское население Тувы в субъективных оценках своего материального положения менее оптимистично, чем городское. Говоря о нижних стратах массовых слоев российского общества, Н.Е. Тихонова охарактеризовала их как группы, материальное положение которых не позволяет им поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни. Они находятся в депривационной бедности, сталкиваясь с разного рода рисками, а их жизненные возможности очень ограничены (Тихонова 2018: 63). Большой риск попадания в эту группу имеет сельское население. В соответствии с результатами нашего опроса 11,1 % сельских респондентов идентифицируют себя с наименее обеспеченной материально группой, испытывающей дефицит средств даже на питание, в то время как аналогичную оценку своему положению высказали 7,50 % городских опрошенных.

Состояние локальных рынков труда в сельской местности предопределяет риск попадания в число бедных «по доходам» (Лежнина 2014: 27). Экономическая активность в тувинских селах зиждется на деятельности бюджетных организаций с ограниченным количеством работников, жизнедеятельность основной части домашних хозяйств связана с личным подсобным хозяйством с преимущественно ручным трудом, низким товарным коэффициентом, ориентированным на удовлетворение собственных потребностей домохозяйства. С распадом советского типа хозяйства в тувинском селе интенсивные социально-структурные процессы регрессировали, было приостановлено формирование класса рабочих, которое происходило за счет перевода колхозов в совхозы. Серьезнейшие изменения экономики села Тувы в постсоветский период привели к простым формам натурализованного уклада хозяйства, ассоциированного с доходной бедностью. В социальной структуре сел на современном этапе представлены бюджетники, собственники личных приусадебных хозяйств, безработные, прекариат.

В стратификационных процессах доходное неравенство приводит к неравенству жизненных возможностей и шансов, а также к другим видам неравенства, в том числе образовательному. Образовательное неравенство интерпретируется Ю.Б. Епихиной и как неравный доступ социальных групп (например, городской и сельской молодежи) к высокодоходным специальностям при получении послешкольного образования (Епихина 2019: 22).

С этой точки зрения текущая бедность родителей, уровень их образования, проживание в сельской местности, где нет условий для городской, более высокодоходной занятости, выступают как взаимообуславливающие факторы, которые приводят к межпоколенческой преемственности бедности. Бедность в этом случае становится устойчивой характеристикой определенной семьи в нескольких поколениях. Тува в демографическом отношении отличается от многих российских субъектов многодетностью, и для нее чрезвычайно важен вопрос восходящей социальной мобильности молодых людей из полных и неполных, многодетных и преимущественно сельских семей, которые составляют основное ядро бедного населения республики, за счет получения более высокого уровня образования.

В этой связи считаем неслучайным, что в субъективных оценках своего материального положения больше негативных оценок у тех, кто не имеет высшего профессионального образования.

Наше исследование показало, что структура и тип семьи играют также определяющую роль в материальном благополучии. На основе данных статистики показано, что многодетные и неполные семьи в большей степени подвержены бедности. Социологическое исследование выявило, что лица, столкнувшиеся с распадом брака вследствие развода, а также не состоящие в браке, идентифицируют себя с наименее обеспеченной частью населения.

Если в статистических данных о возрастной структуре бедного населения Тувы удельный вес лиц трудоспособного возраста минимальный, то по результатам нашего опроса больше представителей других возрастных групп относят себя к бедному населению. Такое положение можно отчасти объяснить не доходной, а депривационной бедностью, связанной с тем, что зачастую доходы прародителей прочно встроены в бюджеты расширенных многосоставных семей. Исследование экономики неполных семей в Туве, например, показало, что для расширенных семей, в составе которых присутствуют неполные семейные ячейки, доходы прародителей играют ключевую роль и для них в большей степени характерны нисходящие межпоколенные трансферты (Натсак 2023).

Заключение

В статье показано, что бедность населения Республики Тыва формировалась в условиях макрорегиональных и региональных особенностей экономического развития, которые связаны с низким ВРП, меньшим объемом инвестиций в основные фонды по сравнению с другими российскими регионами, преобладанием государственных инвестиций, рабочими местами преимущественно в бюджетной сфере и низким уровнем

зарплат, локализацией доступных рабочих мест в городе, высоким удельным весом работающих в неформальном секторе в структуре занятых, низкими среднедушевыми доходами.

В настоящее время наблюдается значительное снижение индекса бедности, уровня абсолютной бедности, ее глубины по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х годов. Текущие значения этих показателей являются минимальными за весь постсоветский период. Следует отметить рост зарплат и снижение уровня безработицы. Позитивное влияние на материальное положение семей в республике оказали социальные выплаты, но в этом вопросе кроются потенциальные риски регионального характера: если допустить, что при достижении целевого показателя снижения уровня бедности к 2030 г. будут отменены или изменены условия предоставления мер поддержки семьям с детьми, есть вероятность роста доли населения с доходами ниже границы бедности. Преодоление границы бедности и переход в другую доходную группу за счет пособий очень зыбкие и недолговременные состояния, при которых рост расходов из-за рождения, например, следующего ребенка вернет семью в положение депривационной бедности. С учетом кредитной нагрузки населения республики снижение абсолютной бедности не будет означать преодоления депривационной бедности семей с детьми. В условиях хронической бедности и пребывания в условиях недопотребления в течение продолжительного времени для многих семей с детьми единственной возможностью улучшения жилищных условий, приобретения дорогостоящих товаров становится получение кредита в банках. Как указано выше, с одной стороны, статистические показатели бедности снижаются, с другой стороны, соотношение среднедушевого долга по кредитам и годовой зарплаты достигло более 149 %.

Необходимы меры со стороны региональной власти для изменения структуры доходов с упором на повышение роли оплаты труда, предпринимательской и иной производственной деятельности. Такой подход потребует повышения качества человеческого капитала республики, повышения образования населения, уровня участия населения в экономике, привлекательности стратегии поиска трудовых доходов, повышения финансовой грамотности. Важна легализация рабочих мест в неформальном секторе.

Анализ социально-экономических и демографических характеристик бедного населения республики показывает рост в его структуре доли незанятых, детей до 16 лет, сельского населения. Бедность характерна для многодетных и неполных семей. Доля крайне бедных в составе бедного населения республики превышает аналогичную долю среди бедного насе-

ления России. Это те группы, в отношении которых необходимы отдельные меры в рамках региональной программы снижения бедности.

Неравномерное развитие локальных рынков труда в республике, а именно наличие доступных рабочих мест в столичном городе республики, приводит к концентрации бедного населения в сельской местности. Рост доли сельского населения в составе бедного населения до 70,2 % означает потерю социальной и экономической привлекательности жизни в сельских районах Тувы, особенно для молодежи. Поиск доходов может усилить вымывание сельского населения и отток в города республики, России и привести большим миграционным потерям сельских районов.

Уровень бедности является расчетным показателем. Помимо статистического измерения данного показателя, важно через улучшение материального положения семей обеспечить равенство доступа к образованию, инфраструктуре развития детей, полноценному питанию, поскольку именно они определяют жизненные шансы детского населения республики во взрослой жизни и контуры будущего социального неравенства в обществе. Снижение уровня детской бедности должно сопровождаться созданием особых условий для получения образования детьми из бедных семей для уменьшения межпоколенческого воспроизводства бедности в будущем.

Изучение динамики доходного неравенства населения Тувы за последние 20 лет показало, что экономическая стратификация общества находится в законсервированном виде. Доля общих денежных доходов, принадлежащая V группе, остается практически в неизменном виде.

С учетом текущих темпов рождаемости и коэффициента детности семей в республике полагаем, что проблема бедности семей с детьми в республике будет сохранять свою актуальность до завершения второго демографического перехода.

Литература / References

Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. (2021) Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? *Социологическая наука и социальная практика*, 9(4): 23–41.

Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. (2021) Poverty of workers: how have the determinants changed in Russia in 20 years? *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 9(4): 23–41 (in Russian).

Анисимова Т.Г., Голенкова З.Т., Маршак А.Л. (2022) Социальное расслоение и занятость (региональный аспект). *Вестник Института социологии*, 13(4): 14–25.

Anisimova T.G., Golenkova Z.T., Marshak A.L. (2022) Sotsialnoe rassloenie i zanyatost (regionalnyi aspekt) [Social stratification and employment (regional as-

pect)]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 13(4): 14–25 (in Russian).

Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.). *Новые исследования Тувы*, 3: 186–207.

Baimurzina G.R., Kabashova E.V. (2022) Zanyatost i dokhody naseleniya respublik Tyva i Bashkortostan (2010–2020 gg.) [Employment and incomes of the population of the Republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 3: 186–207 (in Russian).

Беляева Л.А. (2018) Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы. *Вестник Института социологии*, 3: 83–100.

Belyaeva L.A. (2018) Dokhodnoe neravenstvo v rossiiskom obshchestve: sotsialnye posledstviya i problemy [Income inequality in Russian society: social consequences and problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 3: 83–100 (in Russian).

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020) Социальное неравенство в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 47(3): 179–184.

Bobkov V.N., Odintsova E.V. (2020) Sotsialnoe neravenstvo v Rossii [Social inequality in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 47(3): 179–184 (in Russian).

Горина Т.И. (2019) Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва. *Особенности социальной стратификации в Республике Тыва*. ИНАБ. М.: ФНИСЦ РАН: 18–28.

Gorina T.I. (2019) Metodologicheskie osnovy issledovaniya problematiki bednosti v Respublike Tyva [Methodological foundations of poverty research in the Republic of Tuva]. In: *Osobennosti sotsialnoi stratifikatsii v Respublike Tyva*. INAB [Features of social stratification in the Republic of Tuva. INAB]. Moscow: FCTAS RAN: 18–28 (in Russian).

Епихина Ю.Б. (2019) Стратификационные исследования: между прошлым и будущим. *Социологические исследования*, 2: 20–25.

Epikhina Yu.B. (2019) Stratifikatsionnye issledovaniya: mezhdru proshlym i budushchim [Stratification studies: between past and future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2: 20–25 (in Russian).

Жаромский В.С. (2019) Построение комплексной оценки бедности по трем профилям бедности. *Народонаселение*, 22(1): 92–105.

Zharomsky V.S. (2019) Postroenie kompleksnoi otsenki bednosti po trem profilyam bednosti [Constructing a comprehensive poverty assessment based on three poverty profiles]. *Narodonaselenie* [Population], 22(1): 92–105 (in Russian).

Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2023) Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1: 46–71.

Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2023) Teoriya ravnykh vozmozhnostei i ee primeneniye k probleme bednosti [The theory of equal opportunities and its application to the problem of poverty]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 1: 46–71 (in Russian).

Исупова Е.Н., Варт С.Ю., Бекарева С.В. (2024) Влияет ли доступность финансовых услуг на уровень благосостояния населения РФ? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40(1): 102–126.

Isupova E.N., Vart S.Yu., Bekareva S.V. (2024) Vliyaet li dostupnost finansovykh uslug na uroven blagosostoyaniya naseleniya RF? [Does the availability of financial services affect the well-being of the population of the Russian Federation?]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economics], 40(1): 102–126 (in Russian).

Калугина З.И. (2020) Социальные риски развития Сибири. *Регион: экономика и социология*, 107(3): 117–134.

Kalugina Z.I. (2020) Sotsialnye riski razvitiya Sibiri [Social risks of Siberia's development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 107(3): 117–134 (in Russian).

Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2021) Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности. *Вопросы управления*, 4: 108–122.

Karoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2021) Otsenka rezultativnosti semeinoi politiki v napravlenii uvelicheniya dokhodov rossiyan i snizheniya urovnya bednosti [Assessment of the effectiveness of family policy in increasing the incomes of Russians and reducing poverty]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 4: 108–122 (in Russian).

Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. (2021) Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения. *Фундаментальные исследования*, 1: 61–65.

Karimov A.G., Fatkullina G.R. (2021) Neformalnaya zanyatost kak faktor bednosti rabotayushchego naseleniya [Informal employment as a factor of poverty of the working population]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], 1: 61–65 (in Russian).

Кольцова А.А., Старобинская Н.Н. (2023) Человеческий потенциал устойчивого развития: региональные диспропорции. *Экономика: теория и практика*, 69(1): 24–30.

Koltsova A.A., Starobinskaya N.N. (2023) Chelovecheskii potentsial ustoichivogo razvitiya: regionalnye disproportsii [Human potential for sustainable development: regional disparities]. *Ekonomika: teoriya i praktika* [Economics: Theory and Practice], 69(1): 24–30 (in Russian).

Лежнина Ю.П. (2014) Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации. *Социологические исследования*, 1: 20–28.

Lezhnina Yu.P. (2014) Sotsialno-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossiiskoi Federatsii [Socio-demographic features of poverty in the Russian Federation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1: 20–28 (in Russian).

Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020) Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? *Вопросы экономики*, 12: 24–40.

Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Ya. (2020) Khronicheskaya bednost: chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu? [Chronic poverty: what influences its scale and severity?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 12: 24–40 (in Russian).

Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020) Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 131(3–4): 100–115.

Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020) Zastrayavshie v bednosti i sokhranivshie bogatstvo: individualnaya mobilnost po dokhodam v Rossii [Stuck in poverty and preserved wealth: individual income mobility in Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 131(3–4): 100–115 (in Russian).

Натсак О.Д. (2022a) Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований). *Уровень жизни населения регионов России*, 18(1): 120–135.

Natsak O.D. (2022a) Materialnaya samootsenka zhitelei respubliky Tyva v kontekste issledovaniya bednosti (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Material self-assessment of the Republic of Tuva's population in the context of poverty research (based on sociological research materials)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(1): 120–135 (in Russian).

Натсак О.Д. (2022b) Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований). *Власть*, 30(1): 180–190.

Natsak O.D. (2022b) Finansovo-ekonomicheskie strategii tuvinskikh semei (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Financial and economic strategies of Tuvan families (based on sociological research materials)]. *Vlast* [Power], 30(1): 180–190 (in Russian).

Натсак О.Д. (2023) *Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе*. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В.М. Торосова.

Natsak O.D. (2023) *Nepolnye semi i monoroditskie praktiki zhenshchin v sovremenном tuvinskom obshchestve* [Single-parent families and lone-mother practices of women in modern Tuvan society]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo imeni V.M. Torosova (in Russian).

Ниворожжина Л.И., Павленко Г.В. (2022) Динамика кредитной задолженности россиян. *Учет и статистика*, 65(1): 59–68.

Nivorozhkina L.I., Pavlenko G.V. (2022) Dinamika kreditnoi zadolzhennosti rossiyan [Dynamics of credit indebtedness of Russians]. *Uchet i statistika* [Accounting and Statistics], 65(1): 59–68 (in Russian).

Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. (2023) Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния. *Вопросы управления*, 17(3): 5–18.

Pastukhova E.Ya., Belchik T.A., Kochneva O.P. (2023) Dokhody, bednost i potrebitelskie raskhody naseleniya regionov: dolgosrochnnye trendy i faktory vliyaniya [Incomes, poverty and consumer spending of the population of the regions: long-term trends and factors of influence]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 17(3): 5–18 (in Russian).

Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. (2024) Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах. *Народонаселение*, 27(1): 109–122.

Pastukhova E.Ya., Logunov T.A. (2024) Demograficheskii faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibirskogo federalnogo okruga Rossii v 2005–2022 godakh [Demographic factor of economic development of the regions of the Siberian Federal District of Russia in 2005–2022]. *Narodonaselenie* [Population], 27(1): 109–122 (in Russian).

Пишняк А.И., Халина Н.В., Назарбаева Е.А. и др. (2021) Уровень и профиль хронической бедности в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 50(2): 56–73.

Pishnyak A.I., Khalina N.V., Nazarbaeva E.A. et al. (2021) Uroven i profil khronicheskoi bednosti v Rossii [The level and profile of chronic poverty in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 50(2): 56–73 (in Russian).

Разумов А.А., Селиванова О.В. (2022) Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(2): 236–247.

Razumov A.A., Selivanova O.V. (2022) Domokhozyaistva v zone riska bednosti: regionalnyi aspekt [Households at risk of poverty: a regional aspect]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(2): 236–247 (in Russian).

Селиванова О.В. (2020) Региональные программы борьбы с бедностью: опыт обобщения используемого инструментария. *Проблемы экономики и юридической практики*, 16(6): 48–56.

Selivanova O.V. (2020) Regionalnye programmy borby s bednostyu: opyt obobshcheniya ispolzuemogo instrumentariya [Regional poverty reduction programs: the experience of generalizing the tools used]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 16(6): 48–56 (in Russian).

Селиванова О.В., Коробкова И.Ю. (2024) Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики. *Социально-трудовые исследования*, 54(1): 147–156.

Selivanova O.V., Korobkova I.Yu. (2024) Nepochnye semi v regionakh Rossii: masshtaby i sotsialno-ekonomicheskie kharakteristiki [Single-parent families in the

regions of Russia: the scale and socio-economic characteristics]. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research], 54(1): 147–156 (in Russian).

Слободенюк Е.Д. (2019) Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике. *Социологическая наука и социальная практика*, 4: 26–38.

Slobodenyuk E.D. (2019) Glubokaya bednost v Rossii: spetsifika obektivnogo i subektivnogo polozheniya i zaprosy k sotsialnoi politike [Deep poverty in Russia: the specifics of the objective and subjective situation and requests for social policy]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 4: 26–38 (in Russian).

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) З.Т. Голенкова (ред.). М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН.

Sotsialno-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020). Z.T. Golenkova (ed.). Moscow; Kyzyl: FCTAS RAN (in Russian).

Тихонова Н.Е. (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоёв современного российского общества. *Социологические исследования*, 6: 53–65.

Tikhonova N.E. (2018) Stratifikatsiya po zhiznennym shansam massovykh sloyov sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Research], 6: 53–65 (in Russian).

Чурилова Е.В. (2015) Состав и благосостояние неполных семей в России. *Социологические исследования*, 3: 78–81.

Churilova E.V. (2015) Sostav i blagosostoyanie nepolnykh semei v Rossii [The composition and welfare of single-parent families in Russia]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Research], 3: 78–81 (in Russian).

Шабанов В.Л. (2019) Динамика социально-демографического профиля бедности в России (в контексте изменений методических подходов Росстата в 2013–2017 гг.). *Теория и практика общественного развития*, 134(4): 39–43.

Shabanov V.L. (2019) Dinamika sotsialno-demograficheskogo profilya bednosti v Rossii (v kontekste izmenenii metodicheskikh podkhodov Rosstat v 2013–2017 gg.) [Dynamics of the socio-demographic profile of poverty in Russia (in the context of changes in methodological approaches of Rosstat in 2013–2017)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 134(4): 39–43 (in Russian).

Шушпанова И.С. (2023) Социально-экономическое положение россиян в контексте сбережения народа: социологический анализ. *Вопросы управления*, 17(2): 7–19.

Shushpanova I.S. (2023) Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie rossiyan v kontekste sberezheniya naroda: sotsiologicheskii analiz [The socio-economic situation

of Russians in the context of saving the people: a sociological analysis]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 17(2): 7–19 (in Russian).

Юдина Т.Н., Бормотова Т.М. (2023) Восприятие бедности и неравенства в российском массовом сознании: женский взгляд. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 264–276.

Yudina T.N., Bormotova T.M. (2023) *Vospriyatie bednosti i neravenstva v rossiiskom massovom soznanii: zhenskii vzglyad* [Perception of poverty and inequality in the Russian mass consciousness: a woman's view]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 48(2): 264–276 (in Russian).

Behrman J.R., Soo C.K., Mitchell, O.S., Bravo D. (2012) How Financial Literacy Affects Household Wealth Accumulation. *American Economic Review*, 102(3): 300–304.

Edmiston D. (2022) Plumbing the Depths: the changing (socio-demographic) profile of UK poverty. *Journal of Social Policy*, 51(2): 385–411.

Lang N.D., Tran H.M., Nguyen G.T., Vo D.H. (2024) An Untapped Instrument in the Fight Against Poverty: The Impacts of Financial Literacy on Poverty Worldwide. *Social Indicators Research*, 174: 657–695.

Maleeva V., Joxhe M., Zanaj S. (2020) Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender. *CREA. Department of Economics and Management Discussion Paper Series*, Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg, 16: 39.

Источники

Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных Бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал (2023). М.: Банк России.

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (2022) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html] (дата обращения: 10.03.2024).

Демографический ежегодник России. Приложение (2021) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm] (дата обращения: 07.09.2023).

Денежные доходы и расходы населения в 2020–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270>] (дата обращения: 01.11.2024).

Женщины и мужчины России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ) (2022) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215>] (дата обращения: 12.08.2023).

Комплексное наблюдение условий жизни населения (2022) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html] (дата обращения: 10.03.2024).

Национальные счета России в 2015–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>] (дата обращения: 10.03.2024).

Неравенство и бедность (2022) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/13723>] (дата обращения: 10.03.2024).

Рабочая сила, занятость и безработица в России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ) (2024) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>] (дата обращения: 01.10.2024).

Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>] (дата обращения: 10.03.2024).

Рейтинг российских регионов по уровню закредитованности населения. РИА Новости [<https://ria.ru/20240311/zakreditovannost-1931419910.html>] (дата обращения: 01.10.2024).

Социально-экономические индикаторы бедности в 2015–2022 гг. (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13293?print=1>] (дата обращения: 10.03.2024).

Труд и занятость в России (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>] (дата обращения: 10.03.2024).

Тыва перевыполнила установленный план по выдаче «тувинской» льготной ипотеки (2024) *Правительство Республики Тыва* [https://rtyva.ru/press_center/news/housing/57045/] (дата обращения: 01.10.2024).

THE SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE OF THE POOR POPULATION OF THE REPUBLIC OF TYVA

Organa D. Natsak (nod695596@gmail.com)

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Kyzyl, Republic of Tyva, Russia

Citation: Natsak O.D. (2025) The socio-demographic profile of the poor population of the Republic of Tyva. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(2): 33–68 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.2.2> EDN: DLMJTK

Abstract. The problem of poverty remains relevant for Tyva — despite a decrease in its level, the republic remains one of Russia's worst regions in terms of this indicator. This study aims to analyze the socio-demographic profile of poverty and the self-assessed material well-being of the republic's population. The article is based on statistical data and the results of a sociological survey on the socio-economic status of residents of the Republic of Tyva, conducted in 2023. The article shows that, unlike several Russian regions where the poor population is predominantly urban, a significant portion of the poor in Tuva are concentrated in rural areas. Most low-income households are multi-member and include children under 18. Among different family types, single-parent

families are in the most challenging material situation. Despite a decrease in poverty and an increase in actual final household consumption in Tyva in recent years, a significant disparity remains between low-income households in Tyva and their counterparts in other Russian regions regarding housing deprivation and access to durable goods — the level of deprivation is higher for this population group in the republic. An analysis of the socio-demographic profile of the least well-off segment of the population, based on their self-assessed material standing, revealed that this group predominantly comprises rural residents, men, individuals above working age, the unemployed, and, in terms of marital status, divorced and never-married individuals. The study's findings may be useful in developing a regional poverty reduction program and shaping family policy strategies.

Keywords: Republic of Tyva, poverty profile, income stratification, inequality, material self-esteem, consumption characteristics, gender differences.